

«КОЛЫМСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО»: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ ЗОИ ДМИТРИЕВНЫ МАРЧЕНКО)

Владислав Почепцов

Владислав Почепцов – выпускник магистерской программы «Public History» Московской высшей школы социальных и экономических наук (совместно с Манчестерским университетом). Адрес для переписки: ул. Красноармейская, 88, кв. 61, Ижевск, 426077, Россия. vlad.pocheptsov@gmail.com.

Эссе посвящено проблеме формирования идентичности у жертв политических репрессий в СССР и узников ГУЛАГа. Гипотеза автора заключается в том, что для жертв политических репрессий 1930–1950-х годов в СССР характерен особый тип социальной идентичности – альтернативный тюремной и одновременно общегражданской советской идентичностям. Обладатели этого типа идентичности, с одной стороны, не становились носителями уголовной, блатной субкультуры, а с другой, оказывались в определенной мере подвергнуты остракизму со стороны простых сограждан. Еще один, внутренний фактор, формирующий такого рода идентичность – особый, травматический опыт, который жертвы политических репрессий не могли разделить с другими. Исследование основано на материале воспоминаний Зои Дмитриевны Марченко, хранящихся в архиве общества «Мемориал».

Ключевые слова: ГУЛАГ; мемуары; «Мемориал»; политические репрессии

Во время работы в архиве общества «Мемориал» мое внимание привлекли мемуары Зои Дмитриевны Марченко (1907–2000). Документ представляет собой достаточно подробные воспоминания, рассказывающие в первую очередь о политическом преследовании автора в 1931–1956 годах. В процессе изучения материалов мое внимание привлекла следующая особенность: подробно и с большой эмпатией описаны в мемуарах характеры некоторых людей, с которыми Марченко свела судьба в ГУЛАГе. Эта эмпатия проявляется в тексте как на нарративном, содержательном, так и на стилистическом уровнях. Дружба со многими из этих людей была основана на общем опыте пребывания в лагере, но пронесена через всю последующую жизнь. При этом в конструируемом мемуаристкой социальном пространстве ГУЛАГа существует достаточно четкое разделение всех заключенных на «своих» и «чужих».

Таким образом, в процессе предварительного анализа у меня сложилась гипотеза, что «колымское землячество» (определение, принадлежащее самой Марченко) представляет собой один из видов социальной идентичности, альтернативной идентичности «советского человека», с одной стороны, и лагерной уголовной культуре – с другой. Исследование процесса и проблем формирования такой идентичности стало целью моей работы, результаты которой представлены в настоящем эссе.

МЕМУАРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На сегодняшний день мемуары жертв политических репрессий остаются важнейшим источником по истории СССР XX века. Их актуальность не ограничивается тем, что они отчасти компенсируют отсутствие объективных данных (например, документов следствия), многие из которых были уничтожены или до сих пор являются труднодоступными для широкого круга исследователей. Мемуары – это незаменимый источник «субъективной истории»: истории, включающей в себя индивидуальный опыт и память человека. Нарратив этого типа не просто описывает произошедшее (с этой точки зрения, мемуаристика, возможно, менее информативна по сравнению с другими видами источников), но и обеспечивает эмоциональную сопричастность с самим прошлым. Воспоминания позволяют увидеть изнутри реконструируемую авторами социальную реальность целых поколений и прочувствовать повседневность прошлого через сопереживание мемуаристу. С этой точки зрения, мемуары – это, несомненно, источник формирования памяти. Вместе с тем сам акт написания мемуаров – это индивидуальная практика личности. Поэтому работа с документами такого типа всегда предполагает анализ личности человека в самом широком общественно-культурном контексте, необходимость учитывать ситуацию и время их создания. Мемуарист пишет, осознавая задачу, которой подчинен его текст. Он также отдает себе отчет в том, что этот текст, вероятно, будет прочитан, и, таким образом, ориентируется на потенциального читателя. Кроме того при оформлении воспоминаний в виде текста они структурируются в зависимости от установок автора в конкретный момент их написания. Таким образом, мемуары – это не прямая передача переживаемого опыта, но результат его длительного и обусловленного множеством факторов осмысления. Анализируя воспоминания жертв политических репрессий, историк стремится познать не хронологию событий, а их субъективное восприятие мемуаристом в ретроспективе, их общественно-политическое и идеологическое наследие, передаваемое последующим поколениям.

БИОГРАФИЯ ЗОИ МАРЧЕНКО И СТРУКТУРА МЕМУАРОВ

Мемуары Марченко представляют собой достаточно подробные воспоминания, которые рассказывают об эпизодах биографии, связанных с политическим преследованием ее самой и ее родственников в 1931–1956 годах.

Марченко родилась в 1907 году в семье украинского провинциального педагога. Получила среднее образование и специальность стенографистки. Первый раз была арестована в 1931 году за хранение записи прощального разговора с родным братом, осужденным в 1929 году по обвинению в троцкизме. Была осуждена на три года; этот срок отбыла в Люберцах, работая стенографисткой в Трудокоммуне № 2. После освобождения работала на строительстве завода в Муроме, где познакомилась с политэмигрантом немецкого происхождения инженером Германом Иосифовичем Таубенбергером, и стала впоследствии его женой.

Таубенбергер был арестован в 1936 году по обвинению в шпионаже и расстрелян в 1937 году. Сама Зоя Дмитриевна была также репрессирована в 1937 и осуждена на восемь лет. Фактически отбыла в ГУЛАГе девять лет (1937–1946). После освобождения вернулась к родственникам в СССР.

В 1949 году Марченко была арестована в третий раз и отправлена на «вечное поселение в Сибирь». В ссылке она вышла замуж за этнического немца Николая Христиановича Шеффа (развелись в 1973 году). Реабилитирована в 1956 году. В 1960-м году вместе с мужем переехала жить в Гатчину (Ленинградская область).

Воспоминания Марченко являются очень ценным материалом по истории репрессий и советской повседневности. Они охватывают длительный период, примерно с 1930 по 1970 год, содержат упоминания эпизодов из других периодов жизни автора. В мемуарах подробно описывается четверть века существования тоталитарного государства, и, думаю, не будет преувеличением сказать, что основные вехи истории этого государства совпадают с вехами личной истории мемуаристки. Их важной особенностью является также то, что в период Большого террора автору пришлось побывать в разных, знаковых для изучения истории репрессий, ипостасях: она была членом семьи «врагов народа» (сначала из-за брата-троцкиста, затем – как жена обвиненного в шпионаже) и испытала на себе тяготы гражданской жизни в этом статусе, затем сама получила разнообразный опыт жизни в качестве политической заключенной: в изоляторе и трудовом коммуне, в ГУЛАГе и ссылке. Кроме того, важной особенностью личности Марченко являлось то, что ее жизненный опыт и ее *память* не существовали отдельно от гражданской позиции. Она была активным участником реабилитационного процесса в СССР, сотрудничала с обществом «Мемориал». Таким образом, опыт репрессий и воспоминания о них являлись объектом рефлексии, собственного внутреннего исследования и постоянно ею актуализировались.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Пребывание человека в местах лишения свободы связано с особым социальным опытом, важной частью которого является «тюремная» социализация. Человек, привыкший к обычной, «свободной» жизни, оказывается в новой среде, потеряв при этом прежние социальные связи, социальный статус, место в общественной иерархии и опору жизненных привычек. Новая среда (лагерь, тюрьма, ссылка) –

сложившийся социальный институт со своими правилами и порядками, к которым вновь прибывшему необходимо приспособиться, и строгой иерархией, в которой нужно найти свое место. Однако быт и лагерные порядки как система взаимоотношений заключенных обычно присутствуют в мемуарах Марченко неявно. Читатель может составить представление о лагерьном сообществе по встречающимся в тексте статусным характеристикам, определяющим место человека в социальной структуре лагеря: «бытовики», «повторники», «валютчики», «фраерши», «курки». Нечасто, но встречаются в тексте описания, подобные рассказу о первом появлении женщины в тюремной камере: «Мой приход встретили молча, дали осмотреться, староста показала место. Порядок был такой: новенькая ложится на худшее, ближе к краю, к параше»¹ (Марченко, Воспоминания, Л. 29).

В тексте практически отсутствует прямое описание социальных взаимоотношений с сокамерницами, что может свидетельствовать, что они были весьма непростыми и даже болезненными. В то же время подобное умалчивание подтверждает предположение о том, что лагерные порядки в большинстве случаев остаются слабо артикулированными и кажутся заключенным недоступными для понимания и лишены смысла для находящегося вне этой реальности человека. Заключенные бывают уверены в существующем когнитивном разрыве между их миром и теми, кто «на свободе». Таким образом, можно говорить о существовании «предела понимания или предела ответа», под которым подразумевается своеобразный барьер – проникнуть за него можно лишь обладая знанием неких семантических кодов (Тищенко 2011).

Заключенные отделяют себя от обычных граждан на основании экстраординарного жизненного опыта. Такая стратегия самопозиционирования характерна для разных категорий заключенных, и речи о специфических чертах политзэков в данном контексте не идет. Выделению тех, кто «сидел», в особую категорию способствует и то, что в обыденном сознании представления об инаковости, специфичности жизни «по ту сторону колючей проволоки» также распространены очень широко. Обоюдное дистанцирование «свободного» и тюремного миров – один из факторов, который препятствует успешному возвращению в общество бывших заключенных.

Таким образом, сам факт заключения сильнее всего влияет на заключенного и является причиной сложных трансформаций его самоидентификации. Этому способствуют замкнутость тюремной среды, правила быта, строгая и уже сложившаяся система тюремной иерархии. Доминирующей в местах лишения свободы является уголовная субкультура. Ее специфические черты – презрение к общественным нормам, закону и труду, ярко выраженное статусное деление (тюремные касты) (Абрамкин и Чижов 1992) и система внешних статусных атрибутов, использование уголовного жаргона, а также наличие «воровской» морали, мифологии и фольклора. Правила уголовной среды активно распространяются на все тюремное пространство, даже если собственно «уголовников» – тюремной элиты – в данном месте заключения нет. Так, после описания эпизода «вселе-

¹ Здесь и далее при цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала.

ния» в камеру автор указывает, что «уголовник в камере не было». Уголовная субкультура диктует правила тюремного общежития. Вместе с тем очевидно, что уголовная субкультура не является абсолютно замкнутой в границах учреждений пенитенциарной системы. Она воспроизводится в околоуголовной среде на воле, обеспечивая постоянство идентичности для тех, кому «тюрьма – дом родной».

Однако если мы говорим о таких заключенных, как Марченко (т.е. политических), и рассматриваем их судьбу в конкретном историческом контексте, то необходимо отметить, что процесс тюремной социализации и трансформации идентичности имеет ряд специфических черт. Подробному рассмотрению этой специфики посвящены следующие части работы.

«КОЛЫМСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО»: ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Политические заключенные – зачастую представители интеллигенции и квалифицированного рабочего класса – в уголовную субкультуру в полной мере интегрированы не были. Поэтому непосредственно в местах заключения граница между криминальными и политическими заключенными всегда была ярко выраженной и поддерживалась как самими заключенными, так и лагерной администрацией. Политические в этих условиях получали особый, но более низкий статус, который проявлялся в частности в иерархии выполняемых ими работ.

По своему печальному «КРТД»² (троцкистская деятельность!) – мне полагались работы в зоне или тяжелые, под конвоем, в городе. Все это я прошла: шила, убирала, ходила за стлаником на сопки, долго работала на стройке. Сперва собирали щитовые и бревенчатые дома, в разбросанном виде привезенные «с материка». Затем клала кирпичи, била dranku, шила на конвейере белье, работала в металлоцехе на штамповке. [...] Летом 1939 г. мне «повезло». В гостинице нужны были уборщицы, и, так как бригада бытовичек³, посылаемых туда, не работала, а сразу после прихода шла в бараки шофферов и возвращалась с набитыми деньгами карманами...то бригаду «разбавили» работающими, безотказными «фраершами»⁴, т.е. нами. (Марченко, Воспоминания, Л. 65)

Политические заключенные не могли принять нормы и ценности преступного мира. Они осознавали свою обособленность, и этот факт достаточно четко артикулирован в исследуемых воспоминаниях:

² Аббревиатура, обозначающая статью 58-1 УК РСФСР («контрреволюционная троцкистская деятельность»).

³ Здесь – «осужденные по бытовым преступлениям». Самая распространенная категория заключенных в советских тюрьмах. К касте «блатных» (профессиональных преступников) не относятся.

⁴ Здесь – «женщина, не имеющего отношения к уголовному миру».

[...] женщин тогда на Колыме было мало, а нас привезли человек 700, половина – бытовичек, то есть «глубоко своих», в отличие от нас, «врагов народа»... Думаю, что зрелище было жуткое... Но от бытовичек – их вели, конечно, первыми, – уже неслись знакомые слова, уже находили там «своих» и уже «кому тюрьма, а мне – дом родной»... (Марченко, Воспоминания, Л. 65)

Поиски психологической стабильности, надежды, идентичности в таких условиях были направлены к внешнему и знакомому миру: друзьям, семьям, привычной жизни. В этом смысле каждый элемент отнятого у человека мира приобретал невероятную ценность. С огромным эмоциональным напряжением Марченко вспоминает некоторые эпизоды, которые в других условиях едва ли могли вызвать столь сильный отклик к душе человека. Так, для нее символическим предметом *памяти*, знаком *сопричастности* семье и мужу стал производственный станок, изготовленный на Воронежском заводе, где главным инженером работал ее супруг. «Встретились!» – восклицает автор. В иных условиях роль столь неявных деталей была бы значительно меньше.

Каждый элемент, способный соединить с привычной жизнью, был ценен. Поскольку аресты политических заключенных чаще всего происходили внезапно, подготовиться психологически к ним было трудно. Арестованные оказывались в информационном и социальном вакууме: в этом случае человек не просто лишается привычного мира, но и испытывает внутренние страдания от понимания, что мир лишился его. Такое состояние можно охарактеризовать как вид экзистенциальной смерти, поэтому возможность поддерживать любую связь с внешним миром, желание оставить любой след в нем становятся моральной необходимостью.

Иногда удавалось огрызком карандаша (за его хранение можно было ответить!) – на клочке бумаги написать несколько слов, кое-как сложить конвертик и выбросить в ЩЕЛЬ ВАГОНА ПРЯМО НА ПУТЬ. И находились добрые путеводчики, которые подбирали эти весточки и посылали «доплатное»⁵ домой. (Марченко, Воспоминания, Л. 65)

Это свидетельствует об активном внутреннем процессе поиска идентичности, «корней», того, что могло бы служить связующим звеном между миром ГУЛАГа и привычным миром. Однако и этот привычный мир зачастую отвергал их как «врагов народа», связи с «волей» нарушались, обещая сделать потенциальное возвращение в общество весьма трудным. Одним из элементов сталинской репрессивной политики было методичное создание в советском обществе особой моральной атмосферы – атмосферы страха, недоверия и подозрительности. В борьбе с инакомыслием (в том числе мнимым) значение имели сами формы именования «несогласных» («враг народа», «изменник родины»), отсылающие к представлению о некоем едином теле нации и враждебным ей элементам. Подобная риторика не могла способствовать действительному единению и гражданской солидарности, а напротив, способствовала конструированию групп отторжения, к которым относи-

⁵ Письмо, оплачиваемое получателем.

лись не только сами «враги народа», но и члены их семей. Таким образом, ассимиляция политических заключенных в тоталитарном обществе с его кодексом поведения, политической ксенофобией и идеологией оказывалась зачастую невозможной – «антисоветские элементы» отторгало само общество. Это, однако, не отменяет попыток примирения с обществом, предпринимаемых целыми поколениями бывших политических заключенных, в том числе посредством мемуаров, в которых нашло свое отражение стремление авторов к нравственной реабилитации, доказательству своей верности советским идеалам и невинности перед обществом (Щербакова 2009).

Политзаключенные (и их родственники), как правило, отдавали себе отчет в том, что о них думают обыватели и какие угрозы для последних могут представлять контакты с ними. Понимала это и Марченко. Автор говорит о «клейме» политизка и опасности, которую он представлял в глазах общества. «Мое проживание могло навлечь большую неприятность родным... Хотя мне никто этого прямо не говорил, но я сама понимала как я осложняю существование близких», – вспоминает она о 1937 году. Или: «...весь груз жизни “неприкасаемой”, когда и служба и квартира знали, что у нас сидит брат-“троцкист” и все нас обходили, все боялись, все подозревали» (Марченко, Воспоминания, Л. 16, 50, 53).

Вот как описывает Марченко свое возвращение из лагеря:

И тут я решила пойти на почту, ведь я с парохода подала маме телеграмму о деньгах. Вдруг удалось? Дружной гурьбой, человек 5, немного уже одружившихся, мы отправились по городу. Нашли почту. И тут сработал чисто человеческий фактор. Подошла к окошечку, там миловидная женщина. Говорю: документов у меня нет никаких, могу только сказать обратный адрес, от которого мне могут быть деньги. И чудо случилось: порывшись в карточках, она протягивает мне бланк, заполненный рукою моей мамы! [...] И тут опять «лирическое отступление». Конечно работница на Игарской почте понимала – кто перед ней. (Марченко, Воспоминания, Л. 89)

Для многих репрессированных опыт жизни в ГУЛАГе стал толчком, с которого начался пересмотр отношения к советской реальности и своего места в ней.

Культура тоталитаризма не терпит в человеке «другого», поэтому подобное инакомыслие фактически означало приверженность контрценностям, а значит и формирование контр- или альтернативной идентичности. Не стоит думать, что сосуществование двух реальностей – тоталитарной и противостоящей ей – является невозможным в одном историческом пространстве. Напротив, на мой взгляд, их обязательное сосуществование как раз подтверждается примером нашего общего прошлого. Другое дело, что в течение десятилетий эта контр-культура может проявлять себя только через людей, к ней принадлежащих, являясь абсолютно исключенной из публичного дискурса. Для Марченко своеобразными «якорями», фиксирующими в нарративе принадлежность к такого рода альтернативной идентичности, стали образцы высокой культуры, которые обычно ассоциируются с несоветской, «буржуазной» (в терминах советского агитпропа) культурной традицией и людьми, ее представляющими. Действи-

тельно, сама Марченко по факту рождения не обладала высоким сословным статусом: ее отец был сыном крепостного, а мать – дочерью священника (хотя и из небогатого провинциального дворянского рода). Она окончила среднюю школу и курсы стенографисток. Поступила в московский вуз, который не закончила из-за финансовых трудностей и необходимости работать. Не рассказывая об обучении в Москве, она отдельно вспоминает об учебе в средней школе, причем эти воспоминания оказываются удивительно подробными. Марченко помнит полные имена своих преподавателей. Для нее является важным их высокий профессиональный статус и происхождение.

А директором нашей гимназии стал К.П. Ягодовский. А у меня классной наставницей была выпускница Бестужевских курсов Елизавета Ефимовна Безрученко. Преподаватели француз. и немецкого были педагоги из Вильно. Историками были Василий Константинович Бедоренко (русская) и Сергей Федорович Иваницкий (всеобщая история). Об уровне этих педагогов можно сказать, что позже они (с помощью Ягодовского) перебрались в Петроград и там преподавали в Университете. (Марченко, Воспоминания, Л. 10)

Очевидно, мемуаристке важно показать уровень своего образования, знание классической и современной (но не официальной советской) литературы, поэзии и музыки, которые, по словам самого автора, сыграли значительную роль в становлении ее личности. Она часто рассказывает о своем «культурном воспитании», но практически не упоминает о домашнем быте и семейных взаимоотношениях, о том, как проходило ее детство. Марченко отмечает только, что «детство прошло в большой, дружной, с богатыми традициями семье» (Марченко, Воспоминания, Л. 4). То же самое касается и воспоминаний о самых близких родственниках: так, автор не раз приводит эпизоды, в которых упоминает мать, однако ее влияние (и вообще влияние семьи) на становление личности, характера и мировоззрения автора в воспоминаниях никак не актуализируется.

Но мы росли, учились, пели – даже детские оперы, играли на рояле, и вдруг по городу пошли по рукам 2 книжечки, привезенные откуда-то: Цветаевой и Ахматовой... До этого мы знали классику, Шевченко, но этих поэтесс не знали.

[...] Были и местные уже поэты, Игорь Селенкин, Нарбут, – но мы, еще девочки, были совершенно потрясены Цветаевой и Ахматовой. Книжечки ходили по рукам «на ночь», «на день»... Вдруг перед нами открылось что-то особое, зовущее. *Непохожее на жизнь рядом...* (Марченко, Воспоминания, Л. 10, курсив добавлен)

Другая важная в мемуарах Марченко фигура, которая является ключевой для самоидентификации самого автора, – это некий собирательный образ женщины-политзаключенной. На мой взгляд, формирование образа такой женщины в воспоминаниях является в значительной мере способом саморепрезентации автора. Моя гипотеза заключается в том, что этот образ позволяет понять представления мемуаристки о самой себе (или о том, какой она хотела бы быть).

Особое внимание в мемуарах Марченко уделяет женщинам, вызывающим у нее уважение и восхищение: они прекрасно образованы, благородны, сильны духом и, как правило, принадлежат к дореволюционной интеллектуальной и культурной элите (можно предположить, что именно этому кругу адресует автор свои мемуары). Дважды она упоминает о своей встрече с дочерью Марины Цветаевой Ариадной Эфрон, и очевидно, что для мемуаристки это является важным фактом биографии. Интересным представляется и сам стиль, к которому прибегает автор для описания некоторых своих сокамерниц. И хотя в целом стиль мемуаров тяготеет к некоторой художественности, тем не менее такие эпизоды выделяются из обычного повествования.

Память сохранила некоторые облики. Расскажу о них. Первой мне бросилась в глаза молодая высокая стройная женщина с лицом изумительной красоты и одухотворенности: большие серые глаза, длинная коса, разделенные прямым пробором темные волосы. Ум, энергия, воля – и спокойствие... Это Валентина Лосева, астроном, глубоко религиозный человек, жена Лосева, бывшего преподавателя Московской консерватории. (Марченко, Воспоминания, Л. 29)

В другом месте:

Так я попала в общество московских антропософов, вернее, антропософок. Как говорили, там сидел «весь второй Художественный театр». Во всяком случае были люди, связанные с театром, в соседней камере сидела артистка Скрябина – не знаю дочь или просто родственница композитора. У нас была жена символиста Андрея Белого – стройная женщина с шапкой густых седоватых волос, подстриженных «под челку», с большими глазами, вся какая-то неземная, одухотворенная, как-бы парящая над прозой жизни. (Марченко, Воспоминания, Л. 32)

Для автора важны не только качества человека (образованность, благородство, «одухотворенность»), но и происхождение. Интересным представляется эпизод с «загадочной» заключенной – сокамерницей по имени Ната:

Мне сразу показалось в том полу-мальчике что-то особенное. И я сама к ней подошла, что-то сказала, о чем-то спросила. Удивительно, при такой внешности она держалась с достоинством и чувствовалось в ней что-то незаурядное. Звали ее Натой. В лице бросался в глаза ярко-выраженный тип какой-то южной народности: черные большие красивые глаза, очень густые и сросшиеся брови, тонкий нос и особенно интересная линия рта: губы крупные, но не выпуклые, а как-бы широким мазком проведенные вдоль рта. Держалась она спокойно, но ни с кем не говорила. И еще одно мы заметили – у нее были изумительно красивые руки, но какие-то не рабочие, хотя, надо сказать, и не очень чистые... Наши дамы прямо отметили: руки существа, предки которого (поколениями) не знали физической работы. (Марченко, Воспоминания, Л. 38)

Эта девушка была «расшифрована» и оказалась «последним и единственным в мире потомком хана Гирея (из Крыма)» (Марченко, Воспоминания, Л. 38).

По тому, как мемуариста реконструирует свою биографию и описывает своих героинь, мы видим ее стремление принадлежать к культурной элите (несмотря на

происхождение и, по сути, другой уровень образования и социальный статус). Ценности и личностные установки именно этого социального круга женщина разделяла в течение своей последующей жизни и именно с этим кругом себя соотносила. Она активно поддерживала связь и дружбу с другими бывшими политическими узниками сталинских лагерей, с горькой иронией называла этот круг «колымским землячеством». Позже, уже после освобождения, реабилитации и возвращения на «большую землю» через «колымских подруг» Марченко стала вхожа в круг литераторов и ученых, среди которых она упоминает Михаила Бахтина и любимую ею Анну Ахматову. Таким образом, принадлежность к «колымскому землячеству» стала для Марченко своеобразным «входным билетом» в столь ценную для нее культурную среду «старой» интеллигенции, а «колымское землячество» – важной частью ее социальной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс трансформации идентичности, происходивший у политических заключенных в период сталинских репрессий, имеет ряд особенностей. В первую очередь необходимо отметить, что, попадая в места лишения свободы, такие заключенные сталкиваются с общей для всех проблемой – необходимостью психологической и социальной адаптации к новым условиям жизни. Однако это отличается от процесса, сопровождающего тюремную социализацию осужденных по уголовным преступлениям. Уголовная среда обладает полноценной субкультурой, существование которой не ограничивается рамками непосредственно пенитенциарных учреждений. Политические заключенные, как правило, психологически не готовы к новым условиям и оказываются вытеснены на периферию лагерной культуры. Их положение определяется более низким статусом политзэков в системе лагерной иерархии и ощущением себя как «антисоветского элемента» в среде уголовников и бытовых преступников, которых государство считает «своими» – более надежными в политическом отношении.

Попытки поддержать свою идентичность через связь с «вольным миром» также могут быть неудачны как из-за ограниченных контактов, так и из-за отказа друзей, родственников, коллег общаться с «врагами народа». Общество, воспринимая государственную идеологию и риторику, связанную с «врагами народа», соглашаясь в целом с необходимостью репрессий, отторгает несогласных с тоталитарной идеологией и потенциально политически неблагонадежных граждан, отказывает им в праве быть частью истории и коллективной памяти.

Таким образом, на политических заключенных действует одновременно два важнейших фактора: первый – условия несвободы, окружение чуждого уголовного мира и их нежелание аккумулировать тюремную культуру, второй – невозможность сохранения социально одобряемой идентичности в рамках тоталитарного общества и тоталитарной культуры.

В этих условиях одной из стратегий обретения социально-психологического комфорта является определение собственной идентичности через приобщение к определенному типу контркультуры. В случае Зои Дмитриевны Марченко (как по-

казывает анализ ее мемуаров) такой контркультурой, противостоящей и тюремной уголовной субкультуре, и массовой культуре советского общества, стала культура «старой», дореволюционной интеллигенции, имевшая ассоциации с ценностями гуманизма, духовности, высокого искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамкин, Валерий и Юрий Чижов. 1992. *Как выжить в советской тюрьме*. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия «Тюрьма и воля». Просмотрено 5 апреля 2015 г. (http://old.prison.org/lib/sov_pris/index.htm).
- Тищенко, Наталья. 2011. «Стратегии формирования идентичности в местах лишения свободы». Scientific World по материалам Международной научно-практической конференции. Просмотрено 20 июня 2014 г. (<http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/pedagogy-psychology-and-sociology-311/social-structures-and-social-relations-311/7436-strategy-formation-of-identity-in-place-of-imprisonment>).
- Щербакowa, Ирина. 2009. «Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников». Проект «Уроки истории. XX век», 5 мая. Просмотрено 23 июня 2014 г. (<http://www.urokiistorii.ru/memory/oral/2009/05/pamyat-gulaga>).

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Зоя Марченко. Воспоминания. Архив общества «Мемориал». Ф. 2. Оп. 3. Д. 34.

“KOLYMA FRATERNITY”: THE PROBLEM OF SOCIAL IDENTITY OF POLITICAL DETAINEES (BASED ON THE MEMOIRS OF ZOIA MARCHENKO)

Vladislav Pocheptsov

Vladislav Pocheptsov holds a master's degree in public history from the Moscow School of Social and Economic Sciences/University of Manchester. Address for correspondence: ul. Krasnoarmeiskaia, 88, apt. 61, Izhevsk, 427077, Russia. vlad.pocheptsov@gmail.com.

This essay is devoted to the problem of how victims of political terror in the USSR and prisoners of the Gulag formed social identities. The author's hypothesis is that Soviet political detainees in the 1930s–1950s were characterized by peculiar type of social self-consciousness alternative to both a general civic identity and a criminal identity. These people were not treated as criminals in the internal prisoner community, which had its own subculture, traditions, and hierarchy. At the same time, they suffered from ostracism by their Soviet compatriots. Another component of their identity stemmed from particular traumatic experiences that could not be shared with others. The research is based on the memoirs of Zoia Marchenko, currently located in the archive of International Memorial Civil Rights Society.

Keywords: Gulag; Memoirs; Memorial Society; Political Repressions